

Забелина Варвара Денисовна

инспектор группы

Управление Федеральной службы

исполнения наказаний по Самарской области

магистрант

ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»

г. Самара, Самарская область

Научный руководитель

Ивенский Андрей Иванович

канд. юрид. наук, доцент

ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»

г. Самара, Самарская область

О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

***Аннотация:** автор статьи подчеркивает, что коррупция как негативное явление требует по отношению к себе выстраивания моделей противодействия, которые были бы достаточно эффективными, в зависимости от государств их реализация. Проведение исследования потребовало применения отдельных общенаучных и частно-научных методов (системного подхода, сравнительно-правовой и пр.). В результате, удалось выделить отдельные направления для повышения эффективности противодействия коррупции в РФ, исходя из прогрессивного и действенного опыта в иных национальных правовых системах.*

***Ключевые слова:** сравнительный анализ, коррупция, антикоррупционная политика, противодействие коррупции, национальные правовые системы.*

Исторический характер коррупции, ее универсальность и комплекс иных факторов привели к логичному развитию событий в виде актуализации проблемы противодействия коррупции в разных странах мира и, соответственно, в различных правовых системах. При этом разные национальные правовые си-

стемы с разной долей успеха справляются с противодействием коррупции, показывая высокую, среднюю или низкую эффективность, на что указывают данные Индекса восприятия коррупции [6].

И с точки зрения международно-правовой основы, и национального антикоррупционного законодательства правовое регулирование противодействия коррупции в Республике Беларусь (далее – РБ) и Российской Федерации (далее – РФ) весьма схоже. На подзаконном уровне регулирования просматривается большее количество различий. В частности, белорусскому подзаконному регулированию известно установление выплаты вознаграждения за предоставление информации, которая бы способствовала выявлению коррупционных преступлений и других сведений, информации о местонахождении незаконно добытого имущества, когда в РФ попытки разработать подобный акт и предусмотреть такую меру все еще не увенчались успехом [2].

Одной из стран ближнего зарубежья, опыт которых интересен не столько исходя из его содержания, хотя и это также важно, а из избранной стратегии, радикальности предпринимаемых мер, является Грузии.

При достижении коррупционных показателей в Грузии критических показателей, возникла необходимость предпринять кардинальные антикоррупционные усилия, которые начиная с 2004 г. были переориентированы на отказ от государственного регулирования ряда экономических сфер и радикальное обновление государственного аппарата [7]. Два данных направления реализовывались через комплекс мер по максимальному сокращению государственного аппарата в той части, когда имело место дублирование функций; ликвидацию наиболее коррумпированных структур, что в совокупности позволило высвободить ресурсы для поднятия заработной платы иным чиновникам [1].

В сравнении с отмеченным выше, хотя процесс по реформированию антикоррупционного законодательства продолжает идти, сопровождаясь комплексом мер, нет оснований утверждать, что в РФ были предприняты настолько системные, радикальные и содержательные действия, как это имело место на определенном этапе исторического развития в Грузии.

Эстония как страна ближнего зарубежья характеризуется специфическим подходам к построению системы борьбы с коррупцией. Хотя в части принятия международных актов, на которых строится правовое регулирование в этой сфере, наличия общегосударственной стратегии, схожих по содержанию законов, субъектной специфики и т. п. этот опыт может быть соотносим с российским, уникальные черты для него также присущи [14].

По состоянию на сегодня Эстонская Республика (далее – ЭР) признается мировым лидером цифровой трансформации государственных услуг, в том числе и в сфере осуществления судебной власти, повысив эффективность, прозрачность, доступность судебных процессов при ограниченных ресурсах ее правительство выбрало путь по информатизации, компьютеризации и цифровизации ряда процессов в деятельности органов государственной власти и государственных учреждений, таким образом снижая взаимоотношения «гражданин – чиновник». Практически полный переход на документооборот в электронном формате не только снижает расходы населения, но и сильно сокращает бюрократическую волокиту. Государственные услуги в преимущественной части оказываются через сеть Интернет, благодаря чему также устраняется фактор общения с государственными служащими, что приводит к общему снижению коррупционных рисков. На уровне правительства Эстонии подтверждалось, что в ряду основополагающих факторов успешного противодействия коррупции стало именно внедрение цифровых технологий [4].

Китайская Народная Республика (далее – КНР), а также Соединенные Штаты Америки (далее – США) и Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии (далее – Великобритания), как не только представляющие разные модели борьбы с коррупцией, разные правовые семьи, но и определенные результаты в этой борьбе, тоже интересны в контексте сложившегося своеобразия борьбы с коррупцией в пределах определенных национальных правовых систем [11].

Комплекс причин как неравенство в доходах, фискальные проблемы местного уровня, неэффективность государственной службы и др. потребовали пересмотра антикоррупционной компании, которая в начале века стала основываться

на таких принципах, как: развитие государственности и институциональных инноваций; усиление воспитательного воздействия, дисциплины; ужесточение контроля в государственных структурах; создание системы руководства [10].

Важным этапом китайского опыта по совершенствованию противодействия коррупции стало принятие «Восьми правил по улучшению стиля работы и укреплению связей с народными массами», заложившего стратегические направления китайской антикоррупционной политики [9].

Традиционно сильной стороной китайской борьбы с коррупцией стало проведение эффективной просветительской работы. При этом имело место вовлечение всевозможных медиасредств и разных способов порицания коррупции [13].

Небезынтересной видится адаптация КНР к возникающим вызовам в сфере борьбы с коррупцией. К примеру, как в случае с большим количеством коррупционеров, сбежавших за границу. В 2014 г. в рамках антикоррупционной программы «Охота на лис» КНР опубликовала призыв к преступникам, которые совершили экономические преступления, вернуться и отдать похищенные средства [8]. За ближайшие три года по этой программе вернулось более 1 300 фигурантов дел, а в казну было возвращено более 1 млрд. юаней [3].

Для стран англосаксонской правовой семьи, среди которых США и Великобритания, за определенными различиями, характерен ряд общих черт противодействия коррупции: специальное законодательство в этой сфере; не только местные, но и национальные стратегии или как минимум программы противодействия коррупции, множество детализирующих актов, что позволяет предупреждать различные коррупционные, даже весьма мелкие, проявления; функционирование отдельного антикоррупционного органа или на государственном уровне, или на местном, как и действие развернутой системы субъектов борьбы с коррупцией, что в любом случае позволяет обеспечить полноту полномочий субъектов противодействия коррупции; широкая вовлеченность гражданского общества и СМИ в противодействие коррупции, с демонстрацией высоких показателей нетолерантного отношения к коррупции и т. п. [12].

Выводы. Полагаем, что весьма результативными для применения в РФ может явиться следующие аспекты зарубежного опыта в реализации противодействия коррупции. Так, используя опыт РБ, следует установить выплаты вознаграждения за предоставление информации, которая бы способствовала выявлению коррупционных правонарушений. Опыт государства Грузии показывает, что положительный эффект может быть получен в результате использования модели принятия радикальных массовых решений, которые способны заложить прочную основу для преобразований, в части, например, сокращения государственного аппарата. Опыт Республики ЭР может позволить получить положительный эффект в цифровизации, используя те меры, которые были использованы в этой стране, что имеет и общее значение, минимизируя коррупционные риски, и способствует воспитанию нетерпимости к коррупции. Опыт КНР представляется эффективным для РФ в связи потенциальной эффективностью расширения использования медиаресурсов для антикоррупционной пропаганды, введения специальных программ по возврату полученных коррупционным путем средств, что возможно при четком следовании общегосударственным стратегическим направлениям и принципам, детальном урегулировании, как это обеспечивается в США и Великобритании.

Список литературы

1. Андреева Г.Н. Конституционная реформа 2004 г. в Грузии / Г.Н. Андреева // Конституционное право: Новейшие зарубежные исследования. – 2005. – С. 50–65. EDN NDRSPD
2. Вальтер А.В. Антикоррупционное законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ / А.В. Вальтер // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2021. – №3. – С. 102–109. EDN JJOMMM
3. Ван Х.Ц. Стратегия КНР по преследованию и возвращению в принудительном порядке и международное сотрудничество / Х.Ц. Ван // Социальное наблюдение. – 2015. – №1. – С. 84–95.

4. Грудцына Л.Ю. Цифровое правосудие в Эстонии / Л.Ю. Грудцына // Цифровое право. – 2024. – №4. – С. 59–65.

5. Андреева Г.Н. Антикоррупционная политика и правовое регулирование противодействия коррупции в Грузии / Г.Н. Андреева // Право и современные государства. – 2013. – №4. – С. 52–58.

6. Индекс восприятия коррупции // Transparency International [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.transparency.org/> (дата обращения: 25.11.2025).

7. Лагутин Д.В. Противодействие коррупции в системе государственной службы Российской Федерации: современное состояние и успешный опыт Грузии / Д.В. Лагутин // Евразийский Союз Ученых. – 2017. – №12. – С. 63–67. EDN YLDLPK

8. Лифанова М.В. Китайская модель борьбы с коррупцией / М.В. Лифанова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – №6–2. – С. 166–168. DOI 10.24411/2500-1000-2020-10730. EDN UHKBZR

9. Майоров В.И. Сравнительный анализ мер противодействия коррупции в России и Китае / В.И. Майоров, О.Н. Дунаева // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2021. – №3. – С. 78–84. DOI 10.51980/2542-1735_2021_3_78. EDN OTPIRY

10. Михайлова О.В. Эволюция антикоррупционной политики Китая: проблемы и решения / О.В. Михайлова, Ц. Шао // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2023. – №4. – С. 68–80. DOI 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-4-68-80. EDN GWWFVF

11. Савинов Л.В. Сравнительный анализ антикоррупционной политики России и зарубежных стран / Л.В. Савинов, В.Е. Шорохов // Сравнительная политика. – 2021. – №2. – С. 26–37. DOI 10.24411/2221-3279-2021-10016. EDN PLRRQG

12. Страхов А.П. Борьба с коррупцией в странах англосаксонской традиции (на примере Великобритании, Индии, Сингапура и США) / А.П. Страхов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2019. – №3. – С. 470–502. DOI 10.22363/2313-1438-2019-21-3-470-502. EDN UWONRR

13. Чжень В. С. Взаимодействие полиции и общества в Китайской Народной Республике / В. С. Чжень // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – №4(64). – С. 236–240. EDN TKSULB

14. Юматов Б.О. Совершенствование антикоррупционной политики Республики Узбекистан с учетом опыта Эстонской Республики / Б.О. Юматов // Экономика и социум. – 2023. – №4. – С. 1089–1105. EDN INBETM